

Тамара ГОРДИЕНКО,
Севастополь

ПОСЛЕВОЕННЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ

На площадях сажают елки,
Бульвар акацией пропах.
И оттесняет барахолку
Открытый вновь универмаг.

Соседи в гости заывают,
И каждый — друг тебе и брат.
Фронтovиками называют, —
Не ветеранами, — солдат.

И только степь за Красной горкой
Снарядами начинена.
Вдруг полыхнет, в ушах звеня!..
И, словно на рентгене горьком,
Проступит жадная война.

КРАСНАЯ ГОРКА

Есть в Севастополе район. Давно
Его назвали люди Красной горкой.
От маков, что ли, все кругом красно,
И отдает во рту травинкой горькой.

Я маленькой любила здесь гулять,
Тропинками знакомыми бродила.
Придя домой, садилась рисовать —
Служили краской красные чернила.

Я красным цветом красила поля,
И небо над полями полыхало.
На Красной горке — красная земля
Должна быть, — я наивно полагала.

Обидно улыбались мне в лицо,
Насмешек мне немало доставалось, —
Я с плачем выбегала на крыльцо
И долго с той обидой оставалась.

И только старый Костя-инвалид,
Прошедший всю войну простым солдатом,
И утверждавший, что «нога болит»
(А ногу потерял он в сорок пятом),

Мне говорил печально и светло:
— А ты не слушай их, рисуй... Не скрою,
Здесь, дочка, столько люда полегло!..
Она и вправду красная: от крови. —

Давным-давно уже солдата нет,
Но что земля красна от крови, знаю.
Позднее я узнала: красный цвет —
То цвет любви, и флагов Первомая,

И елочных шаров волшебный свет,
Салюта цвет в победном сорок пятом...
За то, что я открыла этот цвет,
Я благодарна старому солдату.